

СТИХОТВОРЕНИЯ

НОЧЬ

Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, *как* желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.

Толпа — пестрошерстая быстрая кошка —
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотел протащить хоть немножко
громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул; пугая

ударами в жесть, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая.

1912

УТРО

Угрюмый дождь скосил глаза.

А за
решеткой четкой
железной мысли проводов —
перина.

И на
нее
встающих звезд
легко оперлись ноги.

Но ги-
бель фонарей,
царей
в короне газа,
для глаза
сделала больней
враждующий букет бульварных
проституток.

И жуток
шуток

клюющий смех —
из желтых
ядовитых роз
возрос
зигзагом.
За гам
и жуть
взглянуть
отрадно глазу:
раба
крестов
страдающе-спокойно-безразличных,
гроба
домов
публичных
восток бросал в одну пылающую вазу.

1912

ПОРТ

Простыни вод под брюхом были.
Их рвал на волны белый зуб.
Был вой трубы — как будто лили
любовь и похоть медью труб.

Прижались лодки в люльках входов
к сосцам железных матерей.
В углах оглохших пароходов
горели серьги якорей.

1912

ИЗ УЛИЦЫ В УЛИЦУ

У
лица.
Лица
у
догов
годов
рез-
че.
Че
рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.
Лебеди шей колокольных,
гнились в силках проводов!
В небе жирафий рисунок готов
выпестрить ржавые чубы.

Пестр, как форель,
сын
безузорной пашни.
Фокусник
рельсы
тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни.
Мы завоеваны!
Ванны.
Души.
Лифт.
Лиф души расстегнули.
Тело жгут руки.
Кричи, не кричи:
«Я не хотела!» —
резок
жгут
муки.
Ветер колючий
трубе
вырывает
дымчатой шерсти клок.
Лысый фонарь
сладоострастно снимает
с улицы
черный чулок.
1913

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.

На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.

А вы

ноктюрн сыграть

могли бы

на флейте водосточных труб?

1913

ВЫВЕСКАМ

Читайте железные книги!

Под флейту золóченой буквы

полезут копченые сиги

и золотокудрые брюквы.

А если веселостью песьей

закружат созвездия «Магги» —

бюро похоронных процессий

свои проведут саркофаги.

Я

1

По мостовой
моей души изъезженной
шаги помешанных
вьют жестких фраз пяты.
Где города
повешены
и в петле облака
застыли
башен
кривые выи –
иду
один рыдать,
что перекрестком
распяты
городовые.

2

Несколько слов о моей жене

Морей неведомых далеким пляжем
идет луна –
жена моя.
Моя любовница рыжеволосая.

За экипажем
крикливо тянется толпа созвездий
пестрополосая.
Венчается автомобильным гаражем,
целуется газетными киосками,
а шлейфа млечный путь моргающим пажем
украшен мишурными блестками.
А я?
Несло же, палимому, бровей коромысло
из глаз колодцев студёные ведра.
В шелках озерных ты висла,
янтарной скрипкой пели бедра?
В края, где злоба крыш,
не кинешь блесткой лесни.
В бульварах я тону, тоской песков оваян:
ведь это ж дочь твоя –
моя песня
в чулке ажурном
у кофеен!

3

Несколько слов о моей маме

У меня есть мама на васильковых обоях.
А я гуляю в пестрых павах,
вихрастые ромашки, шагом меряя, мучу.

Заиграет вечер на гобоях ржавых,
подхожу к окошку,
веря,
что увижу опять
севшую
на дом
тучу.

А у мамы больной
пробегают народа шорохи
от кровати до угла пустого.

Мама знает –
это мысли сумасшедшей ворохи
вылезают из-за крыш завода Шустова.
И когда мой лоб, венчанный шляпой
фетровой,

окровавит гаснущая рама,
я скажу,
раздвинув басом ветра вой:

«Мама.

Если станет жалко мне
вазы вашей муки,
сбитой каблуками облачного танца, –
кто же изласкает золотые руки,
вывеской заломленные у витрин Аванцо?..»

Несколько слов обо мне самом

Я люблю смотреть, как умирают дети.
 Вы прибоив смежа мглистый вал заметили
 за тоски хоботом?
 А я –
 в читальне улиц –
 так часто перелистывал грóба том.
 Полночь
 промокшими пальцами щупала
 меня
 и забитый забор,
 и с каплями ливня на лысине купола
 скакал сумасшедший собор.
 Я вижу, Христос из иконы бежал,
 хитона оветренный край
 целовала, плача, слякоть.
 Кричу кирпичу,
 слов иступленных вонзаю кинжал
 в неба распухшего мякоть:
 «Солнце!
 Отец мой!
 Сжался хоть ты и не мучай!
 Это тобою пролитая кровь моя льется
 дорогою дольней.